

ЧЕЛОВЕК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

В работе раскрыт стратегически новый ракурс прогнозирования развития общества – взаимодействие и взаимопонимание людей разных поколений. Показано, что межпоколенческие отношения людей в современных условиях приобретают новые характеристики, которые в науках – педагогике, социологии, психологии – не исследованы. Подчеркивается ведущая мысль о том, что каждое поколение людей имеет свои функциональную нагрузку и способности, обеспечивая развитие общества

Нет необходимости доказывать, что в сегодняшней ситуации глобальных изменений в мире, в обществе *наиболее значимыми* выступают изменения *самого человека*. Они обусловлены реальными преобразованиями условий его жизнедеятельности, проявляясь в разной степени и в разных плоскостях, но глобально и многохарактерно.

Преобразования, которые произошли в экономической, технологической, социальной областях, при повышении общего культурного, в том числе познавательного уровня, практически поставили современного человека в новую позицию, прежде всего, по отношению к людям и к себе.

Благодаря мощному воздействию средств массовой информации, расширению контактов, в частности, в результате миграционных процессов человек по-новому воспринимает, понимает, открывает мир, который он сам изменил и сам в нем изменяется.

Это проявляется в разных сферах и на разных уровнях существования человека – физиологическом, психологическом, социальном, объективно приводя к повышению активности людей, их более глубокой рефлексии на окружающих и на себя, что отражается в перестройке ментальности, смене целей, ценностей, ориентации индивидов, появлении у них новых потребностей и новых возможностей их реализации.

Изменения эти фиксируются в системе разных наук, в том числе в психологии, социологии, педагогике, физиологии, демографии, политологии, геронтологии, этно-

графии, экономике и др. В результате открываются новые характеристики человека как личности и как субъекта деятельности. Но лишь характеристики, а не реальные его определения.

Отсюда в познании современного человека, возможностей его развития, саморазвития остается много проблем – непознанных и непонятых.

Это несмотря на то, что о современном человеке сейчас пишут и говорят многие ученые, фиксируя, например, и у детей, и у взрослых недостаток ответственности, повышенную тревожность, агрессивность, качественные сдвиги в межличностных, межгрупповых отношениях, в отношении к различным обстоятельствам жизни и пр.

И все же следует признать, что до сих пор не определен объем и характер изменений, не выявлены все тонкости и особенности развития именно современного человека, его способности и возможности как деятельного субъекта. То есть сегодня мы реально столкнулись с очень сложной ситуацией, которая требует дифференцированного исследования и осмысления.

Данное положение объясняется многими причинами, в том числе и ситуацией, сложившейся в системе научных знаний. В частности, отсутствием соответствующих теоретических подходов, а также новых сквозных методик и рядом других обстоятельств, анализ которых не входит сейчас в нашу задачу. Но факт налицо – как это ни обидно, приходится признать, что нами до сих пор все еще не исследованы и не исследуются в должной мере характер и направ-

ленность изменений, отличающих современных людей: растущих, молодых, зрелых, пожилых, старых.

Между тем общество не предстает перед нами гомогенно. Оно сложно структурировано, и при этом структурные характеристики его изменились. Поэтому необходим дифференцированный анализ, раскрывающий, как и что воспринимает современный человек в разных группах, в разном возрасте: на что рефлексировает, какие образы у него формируются, как изменяется его мотивационно-потребностная сфера, как на него воздействует окружающая действительность, как он действует и каковы возможности действия разных групп людей.

То есть необходимо осмыслить реальную ситуацию функционирования нашего современника – юного и молодого, зрелого и пожилого, – понять, какие сдвиги произошли в его сознании, мышлении, какие факторы на него воздействуют. Иначе все попытки прогнозировать развитие общества, тенденции этого развития – тщетны.

Представляется, что при наличии разных сфер изучения наиболее характерных показателей тех изменений, которые произошли в обществе и в современном человеке, среди многих важных характеристик, в том числе и связанных с его вхождением в разные группы, коллективы, одно из особых мест занимает проблема разреза общества по возрастной вертикали. Имеются в виду не просто возрастные, а поколенческие особенности людей.

И хотя проблема поколений *извечна*, и во все времена разные поколения людей проявляли известное непонимание друг друга – старшее в отношении младшего, младшее в отношении старшего, но в *современном мире* сложилась исключительно острая **поколенческая** ситуация, произошел более глубокий разрыв между разными **поколениями**, с одной стороны, а с другой – имеет место процесс сближения людей разных поколений. Происходит сложное их взаимодействие. **Межпоколенческие** отношения приобретают новые характеристики, новые аспекты, которые совершенно не исследованы ни в психологии, ни в социологии, ни в педагогике.

В данном случае представляется возможным лишь поставить эту проблему, затронув только один, определенный ее аспект – действительность разных возрастных страт современного общества.

В этом плане проблема взаимосвязи, взаимодействия, взаимопонимания людей разных поколений приобретает стратегически новый ракурс. Речь идет не просто о передаче новым поколениям накопленных ценностей, а о коренном сломе многих устоев. Человек как субъект действия выступает при этом разорванно и в очень сложных связях.

Возникают вопросы: какова сегодня расстановка сил, кто в нынешних условиях является главным носителем тенденций развития общества, каков человеческий потенциал разных поколений людей?

Мы не беремся определять рамки разных поколений – это специальный вопрос, требующий развернутых и психологических, и социологических, и историко-политологических исследований. Попытаемся обозначить лишь общий срез действительных возможностей основных поколенческих рядов.

Уже предварительный анализ показывает, что в современном пространстве российского общества можно условно выделить несколько возрастных групп, среди которых важнейшую роль до сих пор играет та группа, которая представляет старшее поколение – 60–80-летних людей.

Это поколение, сформированное на прежних, объективно существовавших основаниях развития социума, не просто ностальгирует по былым временам, что-то принимая, а что-то отвергая в сегодняшней действительности. Оно реально все еще управляет обществом, организуя его, стабилизируя, передавая опыт, завоевания, выступая носителем структурированных традиций, отношений, нравственных норм, что и определяет его (данного поколения) большой положительный потенциал, значимую действительность.

Вместе с тем, видя перспективы развития, это поколение пытается решать все проблемы в сложившихся формах, стремясь сохранить устойчивость социума. Но имен-

но поэтому оно уже в целом не определяет его будущее.

В разрушении старых норм и во внесении новых элементов в их реализацию первостепенное место занимают сейчас люди среднего поколения – 40–59-летние. Они быстро осваивают новые формы, мобильно создают новые ситуации. Будучи воспитанными на старых отношениях и традициях, они в то же время, пользуясь имеющимся новым багажом и новыми возможностями, разрывают эти традиции, расстаются с ними, осваивая новые формы и способы действия. **И всё же не они создают новое пространство**, не в их руках находится построение будущих структур. Скорее они разрушают прежние, в том числе и в силу того, что они практически находятся у главных экономических и политических рычагов.

Наибольший разброс – от приверженности инерционным моментам, обеспечивающим сохранение имеющихся структур, до активного перехода к формированию принципиально новых – отмечается сегодня у поколения 25–39-летних.

А еще более мобильными и изначально подготовленными к новым отношениям, даже технически, выступают люди юношеского возраста, молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, которые ныне, находясь в состоянии неустроенности, в поиске, используют опыт старших поколений, отбирают важное, но руководствуются при этом новыми принципами жизни, пытаются более активно осмыслить действительность.

Однако реально перестраивать нашу действительность на принципиально новых основаниях будут не они, а те, кто сегодня находится в подростковом возрасте. Осваивая новые технологии, выходя на новые рубежи, именно подростки объективно располагают той дистанцией, на которой можно выстроить новые системы отношений, укрепить их и действовать в новой ситуации.

Отсюда одной из главных проблем выступает определение возможностей, условий, путей развития человеческого потенциала именно у этих 10–15-летних людей,

которые и будут формировать, структурировать будущее общество.

И хотя в настоящее время мы не располагаем полными данными о динамике процесса изменений, происходящих в этом периоде онтогенеза, но даже те особенности, которые уже **зафиксированы**, свидетельствуют о серьезной перестройке отношений растущих людей, характера их ориентации, восприятия мира и прочих характеристик. Вместе с тем оказывается, что при всех имеющихся отклонениях, деформациях и новоприобретениях сохраняется устойчивость психологических свойств подростка, главных тенденций его развития, объективно обусловленных физическими, психическими, социальными факторами. Первостепенное значение на завершающей стадии этого возраста по-прежнему занимает потребность в самоопределении, готовность к социально признаваемым формам отношений, ориентация подростков на взрослое общество и, что важно, утверждение себя в нем. Именно это становится важным фактором и в оценке действительности подростков, и в плане активного, целенаправленного воздействия на них.

Об этом свидетельствуют данные, полученные нами на статистически значимой группе из 705 подростков, которые показывают, что поставленные перед необходимостью выбора наиболее значимого для них мнения: конкретных товарищей, когорты сверстников, учителей, родителей или общественного мнения, то есть мнения в целом взрослого общества, – почти 62% 12–14-летних подростков выбрали мнение абстрактных взрослых – общественное мнение; свыше 22% – мнение когорты сверстников. Мнение же конкретных товарищей, как и мнение учителей, родителей для подростка незначимо. Причем, что важно отметить, в его сознании доминирует не школа, не учеба, но, оказывается, и не отдых, и не развлечения, а общество, социум, естественно, в его, подростковом, понимании и порой в совершенно неожиданных и сложно опосредованных формах. То есть для подростка как человека, который только выходит на самостоятельный уровень личностного развития, глубинно важна

связь с обществом. Она становится для него внутренне регулярной, постоянной, константной, так как, отвечая его возрастным потребностям, обеспечивает принадлежность к миру взрослых. Связи же с близкими людьми, родителями в том числе, при всей их важности, в меньшей мере содержат ту социальную всеобщность, которая является определяющей для подростка, стремящегося к утверждению своего «Я» в обществе.

Именно на фазе подростничества происходит активное формирование самосознания растущего человека, выступающего в позиции социально ответственного субъекта. При этом речь идет об особом понимании ответственности не просто за себя, а ответственности за себя в общем деле, ответственности за это общее дело и за других людей, не в плане «самоактуализации» по А. Маслоу и Г. Олпорту, а в смысле актуализации себя в других, «выхода, – как писал С. Л. Рубинштейн, – за пределы самого себя», когда «Я» вовсе не растворяется в системе взаимосвязей людей в обществе, а, напротив, обретает, по мнению А. Н. Леонтьева, и проявляет в нем силу своего действия.

Именно эти особенности и определяют в современном неустроенном мире структурообразующие возможности подростка в построении будущего общества, ибо в принципе подросток склонен воспринимать и трансформировать в своем сознании происходящие изменения в обществе, для общества.

Известно, что главной целью любого гуманного общества является такое раскрытие возможностей растущего человека, при котором он способен творчески проявить себя, самовыразиться, самоутвердиться, но не эгоистически – лишь для себя, а через социально значимые дела, ибо индивидуальность может выражаться как в отторжении, отчуждении от общества, так и в стремлении проявить свое «Я» в обществе. Поэтому здесь важно не упустить, найти способы сохранить и оптимально использовать развитие отношений подростков, позволяющих структурировать новое общество. Отсюда изучение и организация соответствующего воздействия на подрост-

ков, их функционирования в новом обществе становятся исключительно значимой задачей.

И еще один момент, на который важно обратить внимание. Установлено, что наблюдаемый сейчас в нашей стране всплеск индивидуализма подростков, вернее, ярко выраженное их стремление к индивидуализации, к созданию и утверждению своего уникального «Я» сам по себе совершенно не входит в противоречие с их развитием как социально ориентированных субъектов. Приводимые в массовой печати данные о растущей потере общесоциальной заинтересованности подростков, о росте группового эгоизма и пр. не только **неполно отражают** внутренний мир современного молодого человека, но и неправомерно противопоставляют общественное и индивидуальное, **не отчленяя** индивидуальное от индивидуалистического, то есть эгоистического. При этом, во-первых, некорректно смешиваются эти принципиально различные состояния и понятия. Во-вторых, забывается элементарная истина: растущий человек в той мере индивидуализируется в обществе, в какой он социализируется.

В этом плане интересны материалы, полученные нами при сравнении мотивов деятельности подростков 80-х гг. прошлого столетия и современных ребят. Оказалось, что сегодня подростки, с одной стороны, отдают предпочтение индивидуальному выполнению социально важных дел, далеко не всегда идентифицируя себя при этом с группой, а пытаются самоутвердиться в таких делах, выполняемых самостоятельно, по собственному решению. С другой стороны, нынешние подростки отличаются от своих сверстников 80-х гг. возросшей самокритичностью. Свою перспективу они видят в обогащении собственной индивидуальности, стремясь выработать черты характера, необходимые для самостоятельной жизни, утверждения своего «Я», завоевания определенной социальной позиции и реализации себя в ней.

Вроде бы перед нами несоответствие: в обществе усиливается накопительная психология и в связи с этим наблюдается значительное увеличение прагматической на-

правленности деятельности подростков, «смятость» проявления их самоутверждения. Но при этом имеет место явно выраженная тенденция развития самоутверждения и самовыражения в социально значимых формах, что соответствует потребности подростка в общении. Это проявляется в самими подростками найденных видах, типах деятельности, к сожалению, не только просоциальных, но и асоциальных. Обращает на себя внимание и такое явление – для многих подростков сегодня оказывается важным не столько признание значимости их действий группой, сколько собственное осознание социальной нужности.

Мы подробно остановились на некоторых характеристиках подростков потому, что это именно то поколение, которое в тенденции обладает оптимальными способностями действия в обеспечении возможностей структурирования нового общества, а поэтому требует особого внимания, особого к нему отношения общества, использования его потенциальных возможностей.

Возвращаясь к другим возрастам, к характеристикам человеческого потенциала у зрелых и старших поколений, мы вынуждены зафиксировать общую проблемную ситуацию, создавшуюся в нашей науке, – у нас отсутствует целостное представление о взрослом человеке. По сути, весь длительный отрезок зрелой жизни человека выступает недифференцированным.

Взрослый человек считается уже чем-то ставшим, самоответственным, самоуправляющимся и как бы исключается из «движения» в целостном процессе онтогенеза. Исследования здесь ведутся только в плане особенностей функционирования взрослого человека или в ситуации профессиональной деятельности, или в условиях определенных жизненных обстоятельств, например в «условиях толпы». Но и в плане функциональной нагрузки взрослого человека, занимающего в разные периоды жизни разные плацдармы активного действия, требуются развернутые исследования. Тем более что до сих пор взрослый человек, созревая физически и социально, как бы исключается и из познания процесса разви-

тия в его социально-психологическом значении, и из рассмотрения истории развития самого конкретного человека как реально действующего субъекта, развития его сознания, самосознания, личностных качеств и особенностей.

При этом разрыв, разрушение изучения общей дистанции онтогенеза «закрывает» многие чрезвычайно важные проблемы человека, тенденции и потенциальные возможности его развития и действия.

В этом плане особую значимость приобретает задача построения современной периодизации психического развития, при безусловной важности учета прежних разработок, которая, отражая установленные характеристики и закономерности, придает им новое звучание. Имеются в виду периодизации Б. Г. Ананьева и Д. Б. Бромлея, Дж. Биррена и П. П. Блонского, Шарлотты Бюлер и Анри Валлона, Л. С. Выготского и А. Гезелла, Р. Заззо и Дж. Коулмена, К. Левина и Ж. Пиаже, Г. Саллиvena и Э. Шпрангера, Д. Б. Эльконина и Э. Эриксона, К. Юнга и др., рассматривавших развитие человека не только в эпоху детства, но и в зрелые годы.

Так, общеизвестна теория Эрика Эриксона о восьми стадиях развития личности, которая исходит из понимания того, что каждая из этих стадий имеет определенную цель в достижении того или иного социально ценного качества: доверия, автономии, инициативы и др.

Автор книги «Возрасты жизни» Гвардини выделяет уже девять стадий-фаз, где после юности следует переход к экспансивному взрослению, затем идут тридцатые годы жизни, характеризующиеся совершенством человека; в сороковые годы наблюдается кризис узнавания человеком границы; потом идет отрезвление человека; далее кризис его освобождения и, наконец, наступает фаза мудрого человека.

Рудольф Штайнер вычленяет десять периодов развития по 7 лет каждый, где три раза по семь лет он отводит на физически-душевное развитие, далее – три раза по 7 лет на собственно душевное развитие человека и три раза по 7 лет на развитие духа. При этом он полагает, что в 70 лет человек

готов собирать плоды своей жизни и возвращать их обществу.

Периодизацию, наиболее приближенную к характеристикам поколений, дала Л. И. Анцыферова, которая выделила ряд психологических критериев: интеллектуальный, гражданский, эмоциональный, социальный, на основе которых определяются три уровня субъектно-личностного развития. Первый, когда субъект недостаточно адекватно осознает свои побуждения, не учитывает качество и степень своего воздействия на ситуацию. Второй, где субъект уже сознательно соотносит цели и мотивы действий, стремится предусмотреть их результаты, способен к адекватному соотношению собственных возможностей с социальными задачами. И наконец, третий, когда личность становится субъектом своего жизненного пути, который она сознательно измеряет масштабами своей исторической эпохи.

В работах ряда психологов после эпохи детства вычлняются стадии ранней зрелости – с 18 до 30 лет, средней – с 30 до 45 лет, поздней – с 45 до 55 лет и предпенсионного периода – до 60 лет.

Общеизвестно, что границу работоспособности, признанную многими странами, провел между 60 и 65 годами еще Отто Бисмарк. Но сегодня качественно изменились условия жизни и труда людей. Не случайно сейчас около 80% пенсионеров продолжают активно работать, внося реальные коррективы в существующие периодизации.

Тем более что, анализируя собственную жизненную дистанцию, каждый зрелый человек выделяет свои, особые возрастные этапы. По своей сути весь процесс развития взрослого субъекта – это его саморазвитие через осуществление выборов – не только кем быть, каким быть, но и выбора собственного психологического облика, способа и смысла жизни, саморегуляции и самосовершенствования сознания.

Причем, как показывают многочисленные исследования, если в зрелом возрасте, на стадиях средней и поздней зрелости, в период от 30 до 60 лет, человек сумел развить в себе систему многоплановых интересов, то затем и в пожилом возрасте, и на

фазе старости он сможет «черпать», как справедливо заметил Бернард Ливехуд, все больше «сил для жизни из этого духовного источника». Тогда достаточно безболезненно будут преодолеваются им и кризис утраты профессиональной деятельности, и кризис социально-психологической адекватности.

Что касается поздней жизни, то в соответствии с классификацией Европейского бюро ВОЗ она длится с 61 до 74 лет, обозначаясь как пожилой возраст, с 75 до 90 лет протекает старость, а люди старше 90 лет считаются долгожителями.

Но вы понимаете, что речь здесь идет скорее о биологическом, а не о психологическом возрасте, который представляет собой гораздо более сложное понятие, связанное с творческой продуктивностью, с кругом социальных ролей, пространством взаимоотношений, со степенью активности и значимости такой активности в реальной организации и развитии общества.

Ведь старость не просто итог, но логическое продолжение всей предшествующей жизни, когда человеком эта жизнь проверяется – насколько она была удачной, достойной. Тем более что сегодня мы столкнулись с качественно новой ситуацией, когда достижения науки, техники, медицины, информатизации раздвигают рамки человеческой жизни, ломая, в частности, прежние представления о старости. Здесь все больше дифференцируются два ее аспекта – физический и психологический. Решать задачи предотвращения физического старения сложно (правда, они по мере возможностей все же решаются), но все очевиднее выступают возможности удлинения человеческой жизни, во-первых, за счет выработки психологической устойчивости против старения самого индивида, его внутреннего саморазвития и, во-вторых, путем гуманного отношения к старости – не снисхождения, а уважения и восхищения пожилыми людьми, сохраняющими энергию жизни, творчески реализующими ее. Причем работа и чувство полезности выступают, согласно исследованию Сегерберга, главными факторами, которые обеспечивают значи-

тельную продолжительность жизни. Об этом, кстати, заявлял еще Цицерон, утверждая, что «старый возраст почитается только при условии, что он защищает себя, поддерживает свои права, не подлизывается ни к кому и до последнего дыхания управляет своей областью».

Отсюда важно укреплять у поколения людей на восьмом и девятом десятках лет позитивную установку на будущее, заполняя их жизнь интересными делами, повышая их социальный статус.

Разумеется, у многих людей на заключительных этапах поздней жизни возникают дефекты в интеллектуальной сфере, прежде всего дефекты памяти, а также повышенная утомляемость. Однако, как показал широко известный опыт Скиннера, который профессионально наблюдал за собой в очень поздние годы, важно не мириться с возрастными изменениями, а выработать стратегии их компенсации, расширяя круг интересов, поддерживая межличностные связи.

Итак, каждое поколение людей несет свою функциональную нагрузку, обладает определенными способностями, обеспечивая развитие общества. При этом действенным остается и старшее поколение. И не

только как носитель традиций, но и как преобразующий момент, ибо оно не только сохраняет, но и кумулирует, интегрирует систему социальных отношений и действий общества.

Вообще сегодня проблемы общества, именно не государства, а общества, его преобразования, устремленность в будущее особенно обострились, выйдя на первый план. Это актуализирует проблемы раскрытия уровня потребностей людей – членов общества, переоценки их ценностей, стереотипов, ожиданий, их ролевого поведения и активного действия, разных на разных возрастных дистанциях.

При этом кардинальные изменения в развитии современного человека диктуют необходимость не просто аккумуляции и мобилизации всех знаний о нем, а специального изучения, осмысления его дифференцированных характеристик, особенностей его функционирования, условий сохранения его устойчивости в весьма неустойчивом мире.

Перед учеными открывается многомерное пространство новых задач, новых тем, настоятельно требующих и глубинного теоретического осмысления, и значительного расширения экспериментальных работ.

